

О. В. Мартышин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

Глобализация — закономерный результат развития человечества. Но в этом противоречивом процессе нередко сталкиваются интересы отдельных стран и народов. Сутью глобализации является не столько синтез цивилизаций, сколько экспансия одной цивилизации — европейской, западной, капиталистической (раньше ее называли машинной). Западная цивилизация доказала свое техническое, экономическое и военное превосходство, давно перешагнула границы своего первоначального обитания, распространилась повсеместно и стала средством осуществления технико-экономического прогресса в мировом масштабе. Вестернизация служит синонимом глобализации. Однако ее очевидные успехи вовсе не означают, что проникновение европейской культуры всегда, во всем и для всех было благом.

Известны три пути превращения локальной цивилизации в мировую: прямое насилие (завоевание), различные формы давления и добровольное восприятие. Колонизация и империализм явились важнейшими средствами утверждения западных стандартов в мире.

Вестернизация как форма глобализации проявляется и в сфере политической и правовой культуры. не подлежит сомнению, что принципы, получившие ныне название общечеловеческих ценностей, впервые были осознаны и в какой-то мере осуществлены на Западе. Это принципы свободы, равенства, уважения прав человека, демократии, детально разработанные и получившие воплощение во многих политических и правовых институтах. Всеобщая декларация прав человека и последующие более частные и локальные акты — свидетельство мирового признания этих принципов в качестве норм международного и конституционного права. Во многих случаях речь идет о признании этих принципов на словах, а не на деле. Попытки их осуществления осложняются несоответствием местной культуре, ее враждебностью. Заимствование иностранных образцов в праве и политике сродни трансплантации органов в медицине, которая может привести к летальному исходу в случае отторжения. К этому процессу, если он не сводится к политической пропаганде, следует относиться с особой осторожностью.

Забота каждого государства о своей безопасности естественна. Инстинкт самосохранения преобладает

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др.; учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов); научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации», «Политическая обязанность», «Нравственные основы теории государства и права», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

над стремлением соблюдать общечеловеческие ценности. В силу этого в ходе глобализации, так же как и в национальном вопросе, сосуществуют (в противоречивом и постоянно меняющемся сочетании) две тенденции — к объединению и разъединению, к унификации, единству и защите своей самобытности, самоопределению. Каждое государство стремится контролировать и определять соотношение этих тенденций исходя из своих интересов. Таков один из важных аспектов политики права.

Макс Вебер, анализируя политическую систему Германии рубежа XIX–XX веков, сформулировал ее основное противоречие следующим образом: необходимость демократизации и отсутствие предпосылок для нее. Не сказалось ли отсутствие предпосылок для демократии в том, что почти через полтора десятка лет после введения Веймарской конституции в стране воцарился (и первоначально вполне демократическим путем) нацистский режим. Отмеченное Вебером противоречие типично для многих стран, не переживших своевременных и успешных буржуазных революций, в том числе для России.

Не только принципиальные противники демократии, но и ее сторонники признавали, что для ряда стран этот строй не пригоден. Убеденный монархист Н. М. Карамзин утверждал, что «для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу»². Но и сторонник демократии, защитник прав личности и меньшинства Дж. Ст. Милль полагал, что свобода «неприменима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы». «В таком случае, — продолжал он, — самое лучшее, что они могут сделать, это безусловно повиниться какому-нибудь Акбару или Карлу Великому, если только в среде их найдутся подобные личности. Деспотизм может быть оправдан, когда идет дело о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу»³. Эти реалистические соображения свидетельствуют об исторической обусловленности (если не предопределенности) разного отношения к демократии, что исключает единую шкалу оценок и предполагает необходимость смешанных, несовершенных, переходных форм и этапов. Об этом стали забывать в обстановке всеобщего увлечения демократией.

Хотя необходимость демократизации осознавалась в России еще в XVIII веке (достаточно вспомнить раннее правление Екатерины II и А. Н. Радищева), все обстоятельство российской жизни (не только обширность территории, на что ссылалась Екатерина II, следуя аргументам Монтестье), вся ее правовая и политическая культура оказались неблагоприятными для развития свободы и демократии. На протяжении трех послед-

² Цит. по: Пивоваров Ю. С. Русская власть и исторические типы ее осмысления // *Полития*. 2000–2001. № 4. С. 15.

³ Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900. С. 210.

них столетий Россия знала лишь самодержавие и революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Известный русский юрист, один из идеологов евразийства Н. Н. Алексеев говорил, что русское государство является наследником империи Чингисхана¹, что идеология русского самодержавия идет от Ивана Грозного², что в душе русского народа «издавна бродила идея диктатуры»³, в которой сказалась не только привычка к деспотическому правлению, но и утопическая надежда на справедливого царя, который скоро взыщет со всех притеснителей народа. Имперско-бюрократические традиции включали мздоимство, воровство, волокиту, отсутствие контроля общества за деятельностью должностных лиц, укрепление полицейско-репрессивного аппарата, жесткую централизацию власти, слабость либеральных тенденций, которые до начала XX века могли получить только литературное воплощение.

Советская власть, начавшая с крайних форм диктатуры, после смерти Сталина медленно и непоследовательно переходила от тоталитаризма к авторитаризму. Падение коммунистической системы происходило под знаком демократии и общечеловеческих ценностей. В обстановке пробудившейся активности и энтузиазма населения остро ощущалось стремление к свободе и не всегда учитывалось отсутствие предпосылок для ее созидательной реализации. Массовые выступления сторонников демократического обновления привели к слому советского строя, но не к формированию демократической системы власти.

Для современной (постсоветской) России характерно противоречивое сочетание двух тенденций — к демократизации и сохранению традиционной системы власти. Обе они нашли воплощение в Конституции РФ 1993 года. В ней, с одной стороны, провозглашен полный перечень международно признанных демократических принципов, прав и свобод (в этом смысле текст Конституции — результат и воплощение глобализации), а с другой стороны, Конституция наделила президента — центральную фигуру новой политической системы — полномочиями, которые не случайно уподобляют царской власти. И здесь наблюдается явное отступление от мировых стандартов, следование не только национальным особенностям, традициям, но и интересам. Институт сильного президентства при всех его недостатках был проявлением политической мудрости и позволил укрепить государство в критический момент. В этом смысле несовершенство обернулось благом.

В России, как и в других странах (где отсутствуют предпосылки для демократии), неизбежен переходный период, суть которого состоит в сочетании демократии и авторитаризма. Антагонизм этих компонентов очевиден: от умения найти равнодействующую между ними, достигнуть синтеза зависит, к чему переходный период приведет, то есть судьба государства. Соотношение названных компонентов не только противоречиво, но и изменчиво. Постоянно существует опасность потери равновесия, перекоса в ту или иную сторону, вытеснения синтеза утверждением одной из противоположных линий.

О тенденциях, господствующих в то или иное время, позволяет судить не только практика, но и ее идеологическое оправдание. В этой сфере происходят существенные сдвиги. При первом президенте Российской Федерации упор делался на общечеловеческие ценности, мировые стандарты. Они воспринимались как идеал, к которому должна стремиться Россия. Иногда эти ценности понимались утрированно, примитивно, что свидетельствовало о дефектах политической и правовой культур. Таков довольно распространенный в юридической литературе и публицистике тезис о приоритете прав личности. Провозглашение общечеловеческих ценностей вполне соответствовало процессам глобализации.

При последующих президентах РФ центр тяжести в идеологическом обосновании политической и правовой систем сместился к национальной самобытности, историческим особенностям России. Консерватизм утверждается в качестве мировоззрения правящей партии. Идеализируется монархическое прошлое. Принципиально отрицаются любая революция и какие-либо положительные последствия революционных переворотов прошлого. Либерализм воспринимается как идейный и политический противник. Крайним проявлением консерватизма в современной отечественной юридической литературе является так называемая «русская охранительная политико-правовая мысль» или «православная концепция государства и права»⁴. Для нее характерны призывы «преодолевать зло западной культуры», «идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности», которые провозглашаются «духовно выхолощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные условия исключительно Европы»⁵. Полное отрицание глобализации, замыкание в национальной исключительности, любование традициями православного самодержавия чреваты утратой демократической перспективы и усилением авторитарных тенденций.

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 412.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 94.

⁴ Васильев А. А., Серегин А. В. История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М., 2011.

⁵ Васильев А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул, 2011. С. 260, 252.